

DOI 10.26105/SSPU.2023.82.1.015

УДК 94(470,5*1917/1918*371,1

ББК 74.479+63.3

Е.В. КУДИНОВ

**УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И ОРГАНЫ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА УРАЛЕ В 1917 — НАЧАЛЕ 1918 ГГ.**

E.V. KUDINOV

**EDUCATIONAL INSTITUTIONS
AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES
IN THE URALS IN 1917 — EARLY 1918**

В статье исследуются изменения в государственной политике в сфере образования после февральской революции в России в 1917 — начале 1918 гг., т.е. до роспуска Учредительного собрания. Показаны особенности деятельности учебных заведений на примере Уральского региона, первые попытки реформирования образования, предпринятые Временным правительством и общедемократическими органами власти. Освещается роль земства и городского управления в преобразовании уральских учебных учреждений на демократических началах.

The article examines the changes in the state policy in the field of education after the February revolution in Russia in 1917-early 1918, i.e. before the dissolution of the Constituent Assembly. The features of the activities of educational institutions are shown on the example of the Ural region, the first attempts to reform education made by the Provisional Government and general democratic authorities. The role of the Zemstvo and city administration in the transformation of the system of educational institutions on a democratic basis in the Urals is highlighted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школа; преподаватель; курсы; образование; революция; Урал, земство и городские думы.

KEY WORDS: school; teacher; courses; education; revolution; Ural; zemstvo; city administration.

ВВЕДЕНИЕ. Прошло более ста лет после революционных событий в России. В начале XX века в системе учебных заведений в стране прошли значительные изменения, особенно в период с февраля 1917 до начала 1918 гг. В организации народного образования в этот период пересеклись интересы различных слоев населения. Активизировалась работа по реформированию школ, особенно после прихода большевиков к власти.

Социальные потрясения определили особенности развития различных регионов, в том числе Урала в различных сферах общественной жизни. Деятельность органов власти в области просвещения привела к общественному противостоянию и к разделению учителей на два лагеря. Это определило особенности культурных преобразований в период после февральских событий 1917 до начала 1918 гг., т.е. до роспуска Учредительного собрания и ликвидации системы городского и земского самоуправления, что отразилось, в том числе, и на деятельности учебных заведений.

Автор поставил целью выявить основные изменения в деятельности средних и начальных учебных заведений Урала в 1917-начале 1918 гг. и их влияние на политическую позицию уральского учительства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Мы попытались эти изменения объяснить с точки зрения модернизационного подхода к освещению истории, который позво-

ляет в более полной мере выявить как общие, так и региональные особенности событий русской революции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. История системы образования на Урале в годы революции привлекала внимание как исследователей, так и участников событий. Ещё в 1923 году Д.А. Киселёв, бывший в 1918 году комиссаром просвещения Екатеринбурга, приводит факты влияния революционного противостояния в обществе на деятельность учебных заведений и настроениях преподавателей в исследуемый нами период. В 1954 году, спустя 30 лет, Я.Д. Петров обнаруживает статистические данные о состоянии образования в Пермской губернии и Екатеринбурге, считая, что общегубернская статистика и данные по этому крупному уездному городу являются определяющими для уральского региона [10]. В последние годы появились работы, посвященные исследуемой проблеме в обозначенных нами территориальных и хронологических рамках. Это статья пермского историка А.А. Кальсиной на материалах Пермской губернии и работа екатеринбургских исследователей М.В. Попова, И.Л. Бахтиной, Б.М. Игошева и И.М. Клименко по истории образования в Екатеринбурге в годы революции и гражданской войны [1].

Таким образом, уже около 100 лет история уральских образовательных школ и преподавания в них в первый год революции привлекает внимание исследователей. Тем не менее, специальные труды, посвященные образовательным учреждениям всего уральского региона, отсутствуют.

Актуальность исследования обусловлена давно назревшими проблемами в освещении полученных объективных исторических данных о состоянии учительства и учебных заведений в 1917 — начале 1918 гг. на Урале в условиях, когда большая роль в управлении образованием принадлежала органам земского и городского самоуправления. Ибо на современном этапе участие местных органов в реализации образовательной политики минимизировано.

Объектом исследования являются образовательные учебные заведения Урала.

Предмет исследования — деятельность государственных и местных органов власти, стремившихся сохранить и реформировать образование в 1917 году.

Новизна работы заключается в том, что:

- исследование проводится в границах Большого Урала, включая районы с многонациональным составом населения;
- впервые использован материал государственных архивов на основе статистических данных органов местного самоуправления различных частей Урала 1917 — начала 1918 гг.

Рассматривается также деятельность национальных и религиозных школ в 1917-начале 1918 гг., что дало возможность использовать опыт взаимодействия государства, органов местного самоуправления и церкви для реформирования системы образования на современном этапе.

К 1917 г. Россия серьёзно отставала в культурном отношении от развитых стран Запада. На Урале — окраине с многонациональным и многоконфессиональным составом населения особенно регулярно проявлялись такие особенности российской образовательной системы, как многоведомственность в финансировании школы. В Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях до 1916 года отсутствовали высшие учебные заведения, была недостаточно развитая сеть внешкольного (дополнительного) образования, в школах обучалось менее трети детей [9, с. 40].

В начале 1917 г. в одном из самых крупных городов Урала — Екатеринбурге, помимо городских училищ, гимназий и школ, были частные гимназии Остроумовой, Смиренской, Архиповой. Учителей было около трёхсот [1, с. 10]. Существовали в городе и церковно-приходские школы.

Февральская революция 1917 г. повлияла на настроения и поведение обучающихся в уральских городах. В результате происходивших в стране перемен для характеристики учебных заведений школу стали называть «свободной» [6, с. 17]. В Екатеринбурге и других уральских городах произошедшие в стране изменения в политической жизни поддерживали ученики старших классов учебных заведений, в том числе под влиянием учителей. Поводом для пропуска учебных занятий, невыполнения требований преподавателей, нарушения школьной дисциплины для обучающихся были политические свободы, возможность участвовать в демонстрациях и митингах [1, с. 10].

После февральской революции, 26 марта 1917 года состоялись собрания учащихся и учителей школ. Большинство преподавателей Урала поддерживали преобразования. На местах управлять стали учителя-демократы. Всероссийский учительский союз (ВУС) играл в этом важную роль [6, с. 127]. ВУС боролся за децентрализацию образования. Например, Учительский союз в Перми в конце марта предложил директору народных училищ Пермской губернии А.П. Раменскому оставить свой пост в связи с преклонным возрастом [1, с. 11]. Создаваемые учительские организации на Урале повлияли на смещения со своих постов чиновников и в канцелярии управления Оренбургского учебного округа. Большинство педагогов Екатеринбурга в начале апреля 1917 г. создали Уральский педагогический союз (УПС) [1, с. 11].

УПС проводил работу по защите интересов учительства: отправлял доклады в канцелярию Оренбургского учебного округа — в Уфу для ходатайства перед министерством о восстановлении в правах уволенных без объяснения причин; создавал комиссии для третейского разбора в преподавательских коллективах, принимал участие в благотворительности и культурно-просветительной работе. Например, в Кыштыме были организованы вечерние классы для взрослых, площадки для детских игр [1, с. 16].

С первого мая 1917 года были прекращены досрочно занятия в учебных заведениях. Чиновники объясняли это решение политической обстановкой в стране. Тем не менее, деятельность по реформированию системы просвещения продолжалась. За короткий срок были подготовлены нормативно-правовые акты, связанные с децентрализацией управления в школах. С 20 июля 1917 года в соответствии с Постановлением Временного правительства земствам были подчинены министерские и церковно-приходские школы (например, Оренбургскому — 202 церковно-приходские и 135 министерских школ) [11, с. 92].

В начале 1917/18 учебного года происходила децентрализация прежней школьной системы, что позволяло местным органам самоуправления быстро находить помещения и изыскивать средства. Изменения происходили во всех частях уральского региона и, уже к осени 1917 г. только на Южном Урале насчитывалось 3513 начальных школ (конкретно по губерниям: Оренбургская губерния — 1547; Уфимская губерния — 1966) [3, с. с.42,123].

Тем не менее, еще имелись серьёзные недостатки в материальном обеспечении этих учебных заведений. Министерские и церковно-приходские школы в полной мере не обеспечивались помещениями. В 1917 году на Южном Урале менее 1000 рублей в год тратилось на одного ученика, хозяйственные расходы земства на одну школу составляли не более 200 рублей, на содержание помещений, на письменные принадлежности и учебники для одноклассной школы земства выделяли менее 500 рублей [3, л.124].

Реализацию проекта единой школы и дальнейшую разработку планов реформирования школьной системы отодвинули события октября 1917 года, после которых руководители и значительная часть учителей УПС стали связывать преобразования в сфере образования с созывом Всероссийского Учредительного собрания. Они оценивали как временное явление приход к власти большевиков [1, с. 22] и Советов.

В октябре 1917 года в ещё большей степени школа стала ареной политической борьбы. Большевиками была утверждена парадигма трудовой школы. Управление образованием

перешло к Наркомату просвещения РСФСР, в структуре которого было 17 отделов с коллегиальным управлением.

В ноябре 1917 г. декретом Совета народных комиссаров управление образованием было децентрализовано и в работу образовательных учреждений начали вмешиваться местные органы власти (советы), что вызвало недовольство в учительском корпусе [1, с. 22].

В то же время молодое советское государство проводило мероприятия по ликвидации неграмотности взрослого населения, считая это необходимым условием для проведения социальных преобразований в стране.

С этой целью предполагалось открытие различных ускоренных курсов. К примеру, в программу 3-х месячных инструкторских курсов по ликвидации неграмотности (3-й выпуск, 1917 г., г. Екатеринбург) включались: политическая грамотность, общеобразовательные предметы (русский язык и литература, математика, мироздание, экономическая география России, родиноведение (история и география Урала, история культуры), педагогические науки.

В программу екатеринбургских педагогических курсов (ноябрь 1917 г.) для подготовки учителей «красногвардейских» школ грамотности включалось: политическая грамотность, гуманитарные науки, естественные науки, педагогические предметы, инструкторские предметы [5, с. 15].

Для многих ускоренных курсов не хватало помещений. Так, 02 ноября 1917 начальнику Ижевской женской гимназии местные органы власти просили подыскать помещение для открывающейся в Ижевском заводе учительской семинарии [12, с. 38]. Использование гимназических зданий было типичным для организаторов курсовых мероприятий.

Несмотря на все усилия государственных и местных органов власти по развитию начального образования, у большинства школ даже не было библиотек, не хватало кадров в начальных училищах. Средней школе на Урале земства и городские органы местного самоуправления оказывали материальную и правовую поддержку. Так, в докладе Оренбургской уездной земской управы очередному земскому собранию в 1917 году говорилось: «Наряду с вопросами начального образования перед земством всегда стоял и вопрос о средней школе. По мнению авторитетных земских работников по народному просвещению, необходимо создать не только общедоступную начальную, но и народную среднюю школу» [11, с. 92].

Не оставались без внимания местных общедемократических органов самоуправления и высшие начальные училища, в которых были на выборных основаниях родительский комитет и попечительский совет. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы уральских архивов (в Оренбургском уезде, к примеру, земское собрание ассигновало 100640 руб. 10 коп. [11, с. 93]). По инициативе городских дум и земств открывались новые учебные заведения и в Уфимской губернии [14, л. 33]).

После февральской революции уральские органы городского и земского управления самостоятельно открывали профессиональные учебные заведения, учитывая потребности, особенности, менталитет жителей местностей, тип и структуру (отделения) учебных заведений (ремесленные (сельскохозяйственные, технические) училища и школы), источники финансирования и спонсоров [11, с. 94]. Примеры успешной деятельности земства в 1917 г.: 1) ассигнования на оборудование учебных мастерских учебного заведения (ремесленной школы) в селе Александровка Добринской волости Оренбургского уезда обеспечивались Александровским кредитным товариществом [2, л.133]; 2) создание профессиональных учебных заведений курсы (по изготовлению обуви), мастерские (учебные) по кузнечному делу (сапожная, кожевенная, шорная), школы (ремесленные) по слесарно-кузнечному делу (кожевенного производства, обуви, шорного дела), столярное училище) в Белебеевском уезде (выделено 2000 рублей на каждое) [13, л. 92]; 3) создавались и ма-

териально поддерживались школы (ремесленные, технические) по слесарно-кузнечному (столярному, портняжному) делу в Челябинском уезде; 4) оказывалась помощь ранее созданным ремесленным училищам на Урале [8, с. 95].

Таким образом, общедемократические органы управления взяли под свой контроль деятельность и финансирование высших начальных училищ, гимназий, духовных семинарий, прогимназий, реальных училищ и учительских семинарий.

Денежное содержание учителей осуществлялось в основном из казны и за счёт средств земств. Так, Постановлением Верхотурского уездного Земского собрания 34-ой чрезвычайной сессии от 01.07.1917 с 01.01.1918 г. были уравнены оклады учителей, получающих казённое жалование и содержащихся за счёт средств земства [7, л. 4]. Решался вопрос и на уровне губерний. Так, в Уфимской губернии с 01 июля 1917 г. (с 01.09.1917 г. — на всем Южном Урале -Оренбургской и Уфимской губерниях) преподавателям стали доплачивать земства [4, с. 95].

До апреля 1918 года обучение коренного населения на русском и родном языке было в компетенции городских и земских органов: усиленно готовились педагогические кадры для смешанных и инородческих школ — открывались курсы (краткосрочные курсы) преподавателей-мусульман (учителей русско-инородческих школ) для уральских учебных заведений (например, смешанное русско-башкирское женское училище в Уфимской губернии [11, с. 96]). Учитывая традиции коренного населения, требования русского и мусульманского образования преподавание многих предметов проводилось на двух языках, то есть было билингвальным, о чём свидетельствуют материалы о деятельности национальных школ Урала. Поскольку децентрализация управления образованием становилось фактом, финансированием национальных учебных заведений все больше занимались земства.

После III Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившего 10 января 1918 года, власти приступили к формированию советских органов управления, в том числе и образованием. В Екатеринбурге в начале 1918 года при городском Совете рабочих и солдатских депутатов был создан отдел народного образования [1, с. 24].

ВЫВОДЫ. Таким образом, изменения, происшедшие в политическом строе России в 1917 г., нашли своё отражение и в управлении народным образованием как в центре, так и в регионах, в том числе на Урале. Постепенно ликвидировалась многоведомственность в системе просветительных учреждений, происходила децентрализация управления училищами и гимназиями и «демократизация» их деятельности, выразившаяся в расширении роли родительских комитетов и попечительских советов в решении финансовых, кадровых и производственных вопросов. Произошли изменения в персональном составе аппарата государственного управления образованием и сократилось вмешательство чиновников в учебно-воспитательный процесс в школах.

В то же время в управлении образовательной системой сохранялась преемственность, выразившаяся в работе органов всесословного местного самоуправления — земского и городского. Более того, городским и земским управам в условиях новой политической обстановки удалось добиться определённых успехов в деле перестройки просветительной работы на демократических началах. Общедемократические местные органы продолжали свою деятельность на ниве народного просвещения и после прихода большевиков к власти — на Урале вплоть до апреля 1918 г., когда они были заменены органами советскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина И.Л., Игошев Б.М., Клименко И.М., Попов М.В. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и гражданской войны (1917 — начало 1921 гг.) / Попов М.В., Бахтина И.Л., Игошев Б.М., Клименко И.М. Екатеринбург, 2018. 74 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 341.
3. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 237.
4. ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 451.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 69.
6. Известия Всероссийского педагогического общества. 1917. № 3.
7. Нижнетагильский государственный исторический архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 79.
9. ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 80.
10. Петров Я.Д. Народное образование на Урале в первые годы Советской власти (1917–1918 гг.) / Я.Д. Петров // Учёные записки Свердловского государственного педагогического университета. Свердловск. 1954. Выпуск 9. С. 113–116.
11. Семенченко И.В. Земство и народное образование на Урале в 1900–1918 г.г. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Выпуск № 4. Челябинск. 2005. С. 89–97.
12. Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее — ЦГА УР). Ф.8, Оп.1, Д.54.
13. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее — ЦГИАРБ). Ф. И-135. Оп. 1. Д. 40.
14. ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 56.

REFERENCES

1. Bakhtina I.L., Igoshchev B.M., Klimenko I.M., Popov M.V. *Obsheobrazovatelny'e shkoly i uchitel'stvo Jekaterinburga v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny (1917 — nachalo 1921 gg.)* [General education schools and teaching in Yekaterinburg during the revolution and civil War (1917 — early 1921)] / Popov M.V., Bakhtina I.L., Igoshchev B.M., Klimenko I.M. Yekaterinburg, 2018. 74 s. (In Russian).
2. The State Archive of the Orenburg region (further — SAOR). F. 43. In. 1. File 341. (In Russian).
3. SAOR. F. 44. In.1. File 237. (In Russian).
4. SAOR. F. 44. In.1. File 451. (In Russian).
5. The State Archive of the Sverdlovsk region. F.R.17. In.1. File 69. (In Russian).
6. *News of the All-Russian Pedagogical Society*. 1917. № 3. (In Russian).
7. Nizhniy Tagil State Historical Archive. F. 10. In. 1. File. 1. (In Russian).
8. United State Archive of the Chelyabinsk region (further — USACHR). F.H.9. In.1. File 79. (In Russian).
9. USACHR. F. H.-9. In.1. File 80. (In Russian).
10. Petrov Ya.D. *Narodnoe obrazovanie na Urale v pervy'e gody Sovetskoj vlasti (1917–1918 gg.)* [Public education in Urals in the first years of Soviet power (1917–1918 years)] // Scientific notes of the Sverdlovsk state pedagogical University. Sverdlovsk. 1954. Issue 9. S. 113–116. (In Russian).
11. Semenchenko I.V. *Zemstvo i narodnoe obrazovanie na Urale v 1900–1918 g.g.* [Zemstvo and public education in the Urals in 1900–1918 years] // Bulletin of the South-Urals state university. Issue 4. Chelyabinsk. 2005. S. 89–97. (In Russian).
12. Central State Archive of the Udmurt Republic. F.8. In.1. File. 54. (In Russian).
13. Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (further — CSHARB). F.H.-135. In. 1. File 40. (In Russian).
14. CSHARB. F. H.-135. In.1. File 56. (In Russian).